

Litera

Правильная ссылка на статью:

Селеменова М.В. — Город как тема и текст в прозе Виктории Токаревой // Litera. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.39815 EDN: HLZGOY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39815

Город как тема и текст в прозе Виктории Токаревой

Селеменова Марина Валерьевна

ORCID: 0000-0003-0083-9802

доктор филологических наук

профессор, кафедра социально-гуманитарных дисциплин и истории права, Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова

107045, Россия, г. Москва, ул. Сретенка, 28

✉ marselem78@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.2.39815

EDN:

HLZGOY

Дата направления статьи в редакцию:

17-02-2023

Дата публикации:

24-02-2023

Аннотация: Предметом исследования является образ города в малой и средней прозе В.С. Токаревой. Автором выявлено своеобразие художественной концепции города в творчестве Виктории Токаревой, которое заключается в сочетании изображения обобщенно-условного пространства и узнаваемых пространственных образов, которые могут рассматриваться в контексте поэтики локальных текстов. Уточнение характеристик обобщенно-условного города происходит посредством анализа системы персонажей, нравственно-философская парадигма которых соотнесена с городскими локусами. Узнаваемые пространственные образы соотнесены с автобиографическим контекстом творчества автора и рассмотрены с точки зрения авторского вклада в "московский" и "петербургский" текст русской литературы. Основным вкладом автора в изучение поэтики прозы В.С. Токаревой является уточнение типологии образов рассказов и повестей и выявление "эпизодических героев" - персонажей с несформированной нравственно-философской парадигмой и жизненной позицией неучастия в судьбах других персонажей и собственной судьбе. Поэтика эпизода определяет как ключевые характеристики таких персонажей, так и свойства связанных с ними городских локусов.

Основными художественными приемами, способствующими выявлению характеристик персонажей городской прозы, являются у В.С. Токаревой прецедентные сравнения и детали, раскрывающие авторскую позицию. В результате проведенного исследования выявлено, что прочтение малой и средней прозы Токаревой через призму поэтики локальных текстов позволяет уточнить своеобразие авторской интерпретации образов двух столиц. Смещение исследовательского фокуса на обобщенный образ города продуктивно с точки зрения уточнения типологических особенностей персонажной сферы и выявления актуальной нравственно-философской проблематики.

Ключевые слова:

городская проза, образ города, поэтика локальных текстов, эпизодический персонаж, прецедентное сравнение, автобиографическая проза, художественная деталь, мотив одиночества, пространственный образ, нравственная проблематика

В кругу авторов городской прозы Виктория Токарева всегда занимала особое место: ее рассказы и повести воспринимались критикой и читательской аудиторией как «женские», направленные на создание образов современниц и осмысление предназначения женщины, при этом городской контекст чаще интерпретировался как фон, а не как значимый компонент художественной концепции прозы. В исследовательском корпусе текстов, посвященных творчеству В.С. Токаревой, внимание сосредоточено, преимущественно, на проблемах индивидуально-авторского стиля и способах его репрезентации (Н.А. Божко, Н.М. Калашникова, Ю.Н. Киреева), на гендерных аспектах прозы (Н.П. Меденцева, Ф.Р. Муртазаева, Ж.З. Пардаева, Н.Н. Тертыхная, О.М. Холможенко), на интертекстуальности рассказов (Ю.М. Афанасьева, Н.В. Зубакова, Л.В. Дорофеева, С.А. Кирсаных), на духовно-нравственных основах произведений (Е.В. Кондрашева, Л.А. Саркисян). На наш взгляд, с 1964 года, когда был опубликован первый рассказ Токаревой «День без вранья», важной составляющей художественного мира писателя был образ города как в идейно-тематическом, так и в собственно текстологическом измерениях.

Точное воссоздание городской повседневности, внимание к деталям быта и уклада жителя большого города, осмысление специфики нравственно-философской парадигмы среднестатистического горожанина сближают прозу В.С. Токаревой с творчеством Ю.В. Трифонова, Ю.М. Нагибина, В.С. Маканина, но при общности походов город как тема и текст подсвечен у Токаревой особыми смысловыми и стилистическими оттенками и должен быть изучен как с точки зрения поэтики локальных текстов, так и с точки зрения идейно-тематической значимости.

Художественная концепция города в прозе Токаревой базируется на двух подходах. *Первый подход* предполагает изображение среды обитания как условного Города – обобщенного, лишенного узнаваемых топографических примет, выглядящего то микромиром в масштабах планеты, то макропространством, в котором затерялись дом и человек: «Далеко-далеко висит звезда, а под ней висит Земля, а на Земле бывший особняк обедневшего дворянина. А на втором этаже, в трех метрах над людьми, стоит Наташа» («Уж как пал туман») [\[12, с. 52\]](#). Город в контексте такого подхода воссоздан эскизно, писательская оптика наведена только на значимые городские локусы, отражающие мысли и поступки героев: «Улица полого поднимается вверх, и мне кажется, что на моей улице, как раз на этом месте, где я ступаю, закругляется земной шар. Он медленно летит во Вселенной и немножко крутится при этом вокруг своей оси, а

я иду по земле, как по глобусу, и оказываюсь то вверх ногами, то вверх головой» («Следующие праздники») [\[12, С. 286-287\]](#). Даже если город, изображенный в подобном художественном ракурсе, назван или угадывается по одной-двум деталям, это не меняет содержательной направленности: для автора важна среда обитания, формирующая и обуславливающая качества и поступки героев.

«Город – это прежде всего люди» («Инструктор по плаванию») [\[12, С. 209\]](#), – такая установка на изображение среды через ее обитателей выводит на первый план исследовательского внимания галерею персонажей и повышает значимость типологического аспекта системы образов малой прозы.

Герой Виктории Токаревой – современный «маленький человек», живущий в большом городе и погруженный в повседневные заботы. В нем уживаются романтические мечты и мелочные поступки, свободолюбие и формализм, мудрость и инфантильность. Токарева показывает, что современные горожане, запутавшиеся в житейских и нравственных вопросах, заслуживают снисхождения и сочувствия.

Зачастую герой Токаревой – *эпизодический персонаж*, причем не с точки зрения теоретико-литературного подхода и места в системе образов, а с позиции проявленности, значимости персонажа в контексте общего жизненного потока. Свою «временность и эпизодичность» остро ощущает доктор Смоленский («Пропади оно пропадом») [\[12, С. 329\]](#). Это ощущение передано через пространственную дихотомию: пытаюсь сохранить и семейный очаг, и новый локус любви, герой теряет целостность и собственное место в жизни: «Дома он думал о Наде, а с Надей думал о доме, и получалось, что у него ни любви, ни семьи, ни режима, а только одна измученная совесть» [\[12, С. 318\]](#). Итоговый пространственный образ героя – клиника, что свидетельствует о зависании в промежуточном, неитоговом состоянии без принятия решения, а единственным неэпизодичным в его жизни остаются пациенты и работа.

В рассказе «Где ничто не положено» тема эпизодичности распространяется на всю жизнь героя: «...моя жизнь – сплошной эпизод, я сам я – эпизодический персонаж» [\[12, С. 115\]](#). Персонаж – эпизодический герой не с точки зрения присутствия в тексте, а с точки зрения присутствия в жизни других персонажей. Эпизодичность становится синонимом малозначимости. Персонаж по мере развития событий раскрывается во взаимоотношениях с друзьями, знакомыми, женщинами, и его общая малозначимость усиливается мотивом *хорошего характера*: «У меня хороший характер, я ни от кого ничего не требую, и со мной легко. Я ничего не требую, потому что сам ни в кого и ни во что себя не вкладываю» [\[12, С. 115\]](#). Токарева дает отсылку к тексту Евангелия от Матфея: «Где ничто не положено – нечего взять» [\[12, С. 115\]](#). Согласимся с Ю.М. Афанасьевой, что «цитаты из Библии позволяют взглянуть на описываемые в художественном тексте события с позиции вневременных по своему содержанию притч и заветов, заставляют сопоставить сюжетные линии и характеры героев с идеалом человеческого поведения» [\[1, С. 38\]](#). Нравственный комментарий с помощью евангельской цитаты заключается в высвечивании бесхарактерности, ненаполненности героев смыслами, неготовности брать на себя ответственность за свой выбор. Герой Токаревой скользит по жизни, не оставляя следа и не отдаваясь ничему, даже творчеству, которое формально является его сферой самореализации. Для центрального персонажа и его окружения творчество осталось студенческой мечтой, либо стало ремеслом, рутинной для заработка, в них «ничто не положено», и им нечем поделиться со своими учениками. Фрагменты повествования, связанные с Гнесинским институтом, не складываются в единую историю

творческой самореализации.

Также эпизодично, фрагментарно представлен в рассказе город: Москва узнаваема по таким локусам, как памятник Маяковскому, зал Чайковского, станции метрополитена. Город показан как место случайных встреч, мимолетных увлечений, бессмысленных связей. Герой рассказа случайно знакомится с девушкой по имени Гелана и боится не узнать ее на свидании, так как запомнил только ее шапку: «Если Гелана придет в другой шапке, я просто не узнаю ее» [12, С. 100]. Место встречи героев – чужая квартира, случайная спутница тоже имеет статус жизненного эпизода, который запомнится разве что за счет необычного имени девушки. В героя эмоционально и ценностно «ничто не положено», он декларирует неготовность к серьезным отношениям и понимает, что «женщины действительно на меня не рассчитывали, а относились несерьезно, как к эпизоду» [12, С. 114].

Поэтика эпизода, фрагмента определяет у Токаревой способ создания *образа обычного человека*, героя, типичность которого заявлена как в прямой речи, так и в авторских оценках.

Инженер Николай («Следующие праздники») считает себя столичным обывателем: «Я обычный, трезвый, бесталанный человек. В этом, наверное, моя трагедия» [12, С. 278]. Его жена Алла – учитель русского языка и литературы. Жизнь этой семьи однообразна и предсказуема, скучные будни скрашивают только праздники. У героев нет постоянных друзей и постоянной компании, поэтому праздники у них проходят суетно, шумно и бессмысленно. Ожидание праздника оказывается более значимым и эмоционально насыщенным, чем его проведение. Показателем заурядности героев становится «отсутствие расстояния в глазах» («...я не самый главный, я рядовой инженер, без расстояния в глазах» [12, С. 278]). Расстояние в глазах измеряется городским пространством и сравнивается с макрокосмическим (идеальным) масштабом: «У космонавта – расстояние от Земли до Луны. А у меня и у Вили – от метро «Таганская» до метро «Маяковская» [12, С. 278]. Короткий маршрут столичного метрополитена синонимичен скромному масштабу личных притязаний центрального персонажа рассказа. Сравнив себя и космонавта (заурядный/выдающийся жизненный путь), Николай упрочивается в мысли о собственной обыкновенности. Но при этом он остро чувствует несовершенство человеческого существования и гармонию Вселенной. В обычном человеке раскрывается огромный личностный потенциал – способность мечтать, чувствовать сопричастность событиям мирового масштаба, быть верным своему слову.

На первый взгляд, может показаться, что в финале рассказа герой смиренно воспринимает свою судьбу и судьбу своей жены: «Алка будет преподавать литературу – должны ведь дети знать Пушкина. А я буду придумывать механизмы – должна ведь быть на заводе своя автоматическая линия» [12, С. 287]. Будни героев окрашены мечтой о следующих праздниках. В городской прозе Токаревой образы природы часто играют роль пространственной антитезы городскому образу жизни, соответственно в финале рассказа появляется «весенний лес, дымно-сиреневый и прозрачный» как символ не только следующих праздников (времени для себя), но преодоления себя обычного и обретения себя настоящего.

В городской прозе Токаревой *тема одиночества* обычного человека «без расстояния в глазах» реализована как в экзистенциальном, так и в предметно-бытовом аспектах. В рассказе «Рубль шестьдесят – не деньги» эта тема раскрыта через историю случайной покупки шапки-невидимки. Жанровый диапазон малой и средней прозы позволяет

Токаревой лаконично и емко передавать паритетность города и человека через *деталь*. Шапка-невидимка является маркером одиночества: героя и без шапки-невидимки никто не замечает, шапка доводит эту ситуацию до буквального воплощения: «...я сам не знал – живу я здесь или нет. Я ем, сплю, играю с дочкой, разговариваю с женой. <...> Но, в сущности, меня здесь нет» [12, С. 163]. Шапка воспринимается то в простейшем предметном значении с точки зрения ее стоимости, материала, доступности в ближайшем ларьке, то как деталь, символически указывающая на присутствие/отсутствие одного человека в пространстве города и в жизни другого.

Н.В. Зубакова отмечает, что «излюбленным приемом, который использует В. Токарева в своих произведениях, является прецедентное сравнение» [4, С. 93]. В рассказе «Рубль шестьдесят – не деньги» источником прецедентных сравнений становится роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: герой-невидимка в вигоневой шапке сравнивает себя с собакой Понтия Пилата по кличке Банга: «Это была обыкновенная собака – такая же, как другие ее породы. Но оттого, что она служила Понтию Пилату, казалась себе необыкновенной, привилегированной собакой. Я тоже казался себе привилегированной собакой и готов был лежать у Викиных ноги и в этой жизни, и за гробом. Но ей это не понадобилось» [12, С. 159]. С помощью этого прецедентного сравнения актуализируется тема *отраженной значимости*, когда персонаж ценен не сам по себе, а за счет принадлежности другому. Кроме того, данная прецедентная ситуация воспринимается как отсылка к булгаковскому мотиву *разделенной участи* («...тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит» [2, С. 508]). Герои рассказа Токаревой нарушили это правило и превратились в невидимок. Соседство городских улиц, на которых обитают герои рассказа, лишь усиливает чувство одиночества и абсурдность не встречи: «Нужно какое-то чудо, шапка-невидимка, чтобы встретились двое людей, живущих в одно время, в одном городе, на соседних улицах, в двадцати минутах ходьбы» [12, С.163]. Чтобы снова стать «видимыми», т.е. значимыми, включенными в жизнь, совершающими осмысленные поступки, им нужно вернуться в прошлое и «разделить участь» друг друга.

Путь героя из дома на Чистых прудах можно прочертить на карте города: «мимо кинотеатра «Колизей», издательства «Искусство» – по Бульварному кольцу. И пока я шел – не встретил ни одного живого человека» [12, С. 166]. Пустой город, заполненный людьми в шапках-невидимках, – визуализация мотива *одиночества в толпе*: «Люди надели шапки и теперь невидимы. Может, на улице полно народу – просто я никого не вижу» [12, С. 166]. Фактически герой проходит небольшое расстояние, но содержательно он отматывает свою жизнь на четыре года назад. Выбрасывая шапку-невидимку, он освобождается от статуса незначимого, неважного человека: «...я все о себе знаю: я талантливый конструктор, и видеть меня каждый день – счастье» [12, С. 165].

Особенно остро тема *одиночества*, реализованная с помощью мотива невидимости, звучит у Токаревой в рассказах о женских судьбах. Героиня рассказа «Инструктор по плаванию» Таня на свой лад повторяет мысль героя-рассказчика из рассказа «Рубль шестьдесят – не деньги»: «...когда ты идешь и тебя никто не замечает, появляется ощущение, что ты необязательна» [12, С. 207]. Необязательность (в значении «ненужность») – ключевая характеристика многих героинь городской прозы: их способности и талант не востребованы в обществе, они одиноки или связаны с нелюбимым человеком (типологические особенности женских персонажей подробно рассмотрены в работах Н.П. Меденцевой [5], Ф.Р. Муртазаевой [6]).

Героини Токаревой обладают сильным волевым характером, но их самооценка часто

занижена. Они готовы поддержать даже слабого, неудачливого и бесхарактерного мужчину, простить ему эгоизм и ложь, готовы рассказать случайному собеседнику «про свою любовь, которая кончилась, и теперь, когда она кончилась, кажется, что ее не было никогда» [12, С. 68]. Жительницы города, погруженные в повседневные заботы, находят отдушину в любви или творчестве. Они остаются искренними и с иронией относятся к житейским неурядицам. На протяжении всего творческого пути Токарева создает образы женщин, которые сохраняют свою женственность, нежность, способность к самопожертвованию в ритме жизни большого города.

Тема одиночества в большом городе наполнена у В.С. Токаревой экзистенциальным смыслом и зачастую значительно масштабирована: «Марина вдруг подумала, что Земля с людьми – тоже муравейник. И она среди всех тащит непосильную ношу. А кто-то сверху сидит на бревне и смотрит...» [11]. Одиночество в большом городе-муравейнике расширено до масштабов Земли-муравейника и сопряжено с библейским мотивом одиночества человека перед лицом Бога. Исследователи Л.В. Дорофеева и С.А. Кирсанычева справедливо соотносят приведенный отрывок со словесной иконой, которая воспринимается как «удачная попытка изобразить невидимого Бога как бы невидимыми красками подтекста» [3, С. 11]. Город во Вселенной, показанный через характеры и образ жизни его обитателей, – идейно-тематическая доминанта малой и средней прозы В.С. Токаревой.

Второй подход к воссозданию образа города может рассматриваться в контексте поэтики локальных текстов. Рассказ «Будет другое лето» отсылает к ключевым мотивам и образам «петербургского» и «московского» текстов русской литературы [см.: 9]. Пространственная антитеза Ленинград/Москва соотносится у Токаревой с противопоставлением *места силы* и *места слабости*. «У каждого живущего на земле есть такое место, где ему всего уютнее. Мое место – Ленинград» [12, С. 126]. Образ Ленинграда у Токаревой семантически окрашен такими значениями, как любовь к родному дому, первая любовь, первая детская дружба. Даже традиционный туристический набор пространственных образов северной столицы у Токаревой показан через призму личностного восприятия героини: «Я люблю Медного всадника и решетку Летнего, куда приводят туристов. Люблю обшарпанную Выборгскую сторону. Мне нравится просто бродить по улицам, я узнаю их и не узнаю. От этого мне грустно и хочется жить лучше, ярче, чем я живу сейчас» [12, С. 127]. Любимым местом в Москве у героини рассказа является Ленинградский вокзал, воспринимаемый как рецепция родного города в чужой столице. Л.А. Саркисян, рассматривая структуру и поэтику воплощения конфликтов в прозе В.С. Токаревой, заметила, что «конфликт – это не причина, а лишь следствие внутреннего и внешнего дискомфорта» [8, С. 145]. Конфликт героини с Москвой обусловлен не свойствами самого города, а тем, что он стал пространством, в котором героиня не нашла себя.

Каждый пространственный образ в прозе Токаревой наделен тем смыслом, который несут связанные с этим пространством отношения или воспоминания. Москва в рассказе «Будет другое лето» показана местом неудач, слабости, одиночества. Ключевая характеристика столицы у Токаревой – *чужая*. Описывая мастерскую на Таганке, Токарева подчеркивает, что и хозяин дома, и его чувства, и сами стены жилища не принадлежат героине: «Дом не мой. Он не мой» [12, С. 134]. Автор не только выстраивает антитезу родного дома на Васильевском острове и чужой мастерской на Таганке, но и проецирует на этот пространственный контраст смену времен года: полное надежд лето сменилось безнадежной осенью.

Из осенней Москвы, от неразделенной любви героиня рассказа едет в Ленинград на свадьбу и везет в подарок дымчатые очки. Эта художественная деталь скрепляет несколько смысловых узлов рассказа: дымчатые очки как способ не замечать реалий жизни, как связующее звено между судьбами героев и повод увидеться перед расставанием, как неуместный подарок на свадьбу: «Сейчас, правда, осень, очки не нужны. Но ведь будет другое лето» [\[12, С. 137\]](#). Другое лето в значении «другая счастливая жизнь» связано у Токаревой с поездкой героини в Ленинград. В финале рассказа героиня отправляется в *свой* город на *чужую* свадьбу, чтобы оказаться в своем локусе, наполниться силой и, как показывает открытый финал, вернуться в Москву.

Образ Москвы в прозе Токаревой часто сопровождают *мотивы отчуждения и нелюбви*. «В Москве меня не любят» [\[9, С. 210\]](#), – заявляет герой рассказа «Инструктор по плаванию». Лиля, героиня рассказа «Ну и что?», после переезда в Москву «чувствовала себя затерянной в большом городе, как пуговица в коробке. Кому она нужна? Когда ее достанут и куда-нибудь пришьют?» [\[10, С. 11\]](#). Отдаленные районы Москвы воспринимаются героями как провинциальная среда: «Какой смысл жить вы Москве, если обитаешь в Братеево? С таким же успехом можно жить в Тамбове или Туле» [\[11, С. 56\]](#). Кроме того, Токарева часто иронизирует над штампами о столице: «Инженер за сто двадцать рублей. Инженер – это плохо. А москвич – хорошо. Все же столица». [\[10, С. 9\]](#). В целом, может создаться впечатление о том, что образ Москвы создан за счет минус-приемов и аккумулирует в себе преимущественно негативно окрашенную семантику. Следует уточнить, что московский текст у Токаревой наполнен и пространственными образами, подчеркивающими древность и традиционность столицы. Условная линия противостояния Москвы новой и Москвы древней может быть показана с помощью двух локусов: *блочный дом с хорошей слышимостью*, где каждый человек на виду и одиночество переживается болезненно / *старый особняк*, в котором жил обедневший дворянин («Комнаты были тесные, лестница косая» [\[12, С. 47\]](#)). Отметим, что все пространственные образы содержат семантику неуют и неустроенности, что делает оппозицию мнимой: как блочный дом, так и старый особняк – вариации «опрокинутого дома» Ю.В. Трифонова, здесь «все сидели вместе и врозь» [\[12, С. 69\]](#).

В городской прозе Токаревой много автобиографических черт: одной из них является тема привязанности к Ленинграду и долгого неприятия/привыкания/принятия Москвы. Ярким примером осмысления ключевых столичных локусов – памятников Пушкину и Маяковскому является сюжет автобиографического рассказа «Ну и что?». Основную сюжетную линию рассказа составляет история любви сценаристки Лили к режиссеру, которого она называет Ганди. Причиной одного из несостоявшихся свиданий героев становится то, что оно назначено «возле памятника знаменитому поэту» [\[10, С. 34\]](#). Лили ждет на Пушкинской площади, Ганди – возле памятника Маяковскому. Героиня идет на Пушкинскую (Страстную площадь), так как ищет способ придать своим страстям форму гармонии, лада, взаимной ответственности; Ганди же видит в Лиле только источник вдохновения и наслаждения, он деструктивен и дисгармоничен. Маршрут между двумя памятниками (двумя судьбами героев) так и не был проложен, каждый персонаж остался в своем локусе со своими ценностями.

В одном из последних интервью В.С. Токарева, описывая свои ощущения от центра Москвы, сравнила городскую толпу с источником энергии: «Каждый идет по своим делам, а ты как будто попадаешь в некий энергетический поток. Идешь вместе со всеми, кажется, что у тебя есть с другими какая-то общая цель. Это то, что дает только центр. Я

чувствовала, что живу в столице большой страны» [\[13\]](#). Писатель точно отметила, что город, энергетически сильный и наполненный, испытывает своего героя. Если паритетности человека и города нет, то формируется конфликт как пространственный, так и смысловой.

Исследование поэтики воплощения города в прозе В.С. Токаревой дает основание сделать вывод о значимости города как основного пространственного образа и как художественного средства, позволяющего выстраивать параллелизм состояния персонажа и его среды обитания. На протяжении нескольких десятилетий В.С. Токарева хранит верность избранной теме городской жизни и продолжает издавать сборники рассказов и повестей «Когда стало немножко теплее» (1972), «Летающие качели» (1978), «Ничего особенного» (1983), «Сказать — не сказать...» (1991), «Мужская верность» (2002), «Дом за поселком» (2018). В ее поздней прозе сохраняется ироническая интонация, тонкий психологизм, поучительность без назидательности и глубокая метафоричность. Прочтение малой и средней прозы Токаревой через призму поэтики локальных текстов позволяет уточнить своеобразие авторской интерпретации образов двух столиц, а смещение исследовательского фокуса на обобщенный образ Города продуктивен с точки зрения уточнения типологических особенностей персонажной сферы и выявления актуальной нравственно-философской проблематики.

Библиография

1. Афанасьева Ю.М. Библейские цитаты в прозе Виктории Токаревой // Русская речь. 2009. № 1. С. 38-40.
2. Булгаков М.А. Собр. соч. в 10 т. Т. 9: Мастер и Маргарита. М.: Голос, 1999. 608 с.
3. Дорофеева Л.В., Кирсанычева С.А. Иконописный и агиографический мотивы в повести В.С. Токаревой «Своя правда» // Филологический журнал. 2016. № 21. С. 8-11.
4. Зубакова Н.В. Интертекстуальность в рассказах В. Токаревой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45). Ч. 2. С. 90—93.
5. Меденцева Н.П. Типические черты «токаревской героини» (на материале творчества Виктории Токаревой) / Н. П. Меденцева // Молодой ученый. 2014. № 19 (78). С. 668-671.
6. Муртазаева Ф.Р. Типология женских персонажей в прозе Виктории Токаревой // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: сборник научных статей. Ч. 3. М.: Изд-во «Перо», 2020. С. 136-142.
7. Муртазаева Ф.Р., Пардаева Ж.З. Теоретические аспекты исследования творчества Виктории Токаревой // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 2. С. 272-276.
8. Саркисян Л.А. Конфликт в рассказах Виктории Токаревой. // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. №12 (55). С. 143-156.
9. Селеменева М.В. Городская проза как идейно-художественный феномен русской литературы XX века: монография. М.: МГИ имени Е.Р. Дашковой, 2008.
10. Токарева В.С. Дом за поселком: Рассказы и очерк. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 256 с.
11. Токарева В.С. Мужская верность: Повести и рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 320 с.
12. Токарева В.С. О том, чего не было: Рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 448 с.

13. Это мой город: писательница Виктория Токарева. – Режим доступа:
<https://moskvichmag.ru/gorod/eto-moj-gorod-pisatel'nitsa-viktoriya-tokareva/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Уже в названии статьи «Город как тема и текст в прозе Виктории Токаревой» заявлены два направления изучения темы города в творчестве писательницы: феноменология образа и его вписанность в традицию локальных текстов. Возможности обоих подходов к анализу темы с успехом продемонстрированы в ходе исследования. Статья отличается многоаспектностью рассмотрения темы, проблемностью, тонким анализом произведений Виктории Токаревой, привлечением широкого литературного и историко-культурного контекста.

Отметим корректное и удачное обращение к научным исследованиям. Автор дает компактный обзор основных направлений в исследованиях о творчестве В. Токаревой. В частности, отмечает интерес ученых к проблемам индивидуально-авторского стиля и способам его репрезентации, к гендерным аспектам прозы В. Токаревой, интертекстуальности ее рассказов, их духовно-нравственной проблематике. Это позволяет автору статьи обозначить проблемное поле своего исследования, сформулировать концептуально значимый тезис, который доказывается в работе и организует материал. Суть исходного положения состоит в том, что, по мнению автора статьи, уже с первого опубликованного рассказа образ города «становится важной составляющей художественного мира писателя ... как в идейно-тематическом, так и в собственно текстологическом измерениях». И это положение убедительно доказывается последующим анализом. При этом, как уже было отмечено выше, в статье образ города в прозе Токаревой рассматривается с привлечением двух методик. Во-первых, город как среда обитания, как условный (обобщенный) город, «лишенный узнаваемых топографических примет, выглядящий то микромиром в масштабах планеты, то макропространством, в котором затерялись дом и человек». В этой части работы подробно раскрывается тезис «город – это прежде всего люди», что позволяет представить специфического для прозы Токаревой героя, воплощающего свое поколение. И это герой именно городской, «современный «маленький человек», живущий в большом городе и погруженный в повседневные заботы», одинокий, неуверенный в себе, как бы потерянный, талантливый, но с заниженной самооценкой, «без расстояния в глазах». Интересно раскрыта такая особенность поэтики Токаревой, как фрагментарность прозы, тяготение к эпизоду. Во-вторых, тема города рассматривается в статье в контексте поэтики локальных текстов. Очень интересен тот фрагмент работы, к которому рассматривается автобиографический рассказ «Ну и что?», наблюдения о том, как в художественном мире писательницы взаимодействуют два города: Москва и Ленинград.

Рассматривая прозу Токаревой, автор статьи помещает ее в литературный контекст – упоминает творчество Ю.В. Трифонова, Ю.М. Нагибина, В.С. Маканина, указывает, что образ города становится типичным для русской литературы 1960-1970-х гг., вместе с тем отмечает, что «при общности походов город как тема и текст подсвечен у Токаревой особыми смысловыми и стилевыми оттенками и должен быть изучен как с точки зрения поэтики локальных текстов, так и с точки зрения идейно-тематической значимости».

Таким образом, в статье убедительно доказывается мысль «о значимости города как основного пространственного образа и как художественного средства, позволяющего

выстраивать параллелизм состояния персонажа и его среды обитания» в прозе Виктории Токаревой.

Статья отличается новизной подхода, легко и с интересом читается, а потому она будет интересна не только специалистам-филологам, но и широкому кругу читателей.

Все вышесказанное позволяет рекомендовать статью к публикации.